

Микрорайон как элемент визуальной репрезентации города на примере Тюменской области

Дмитрий Олегович Бубнов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail для переписки: d.o.bubnov@utmn.ru

Аннотация. Цель статьи — показать процесс формирования визуальной репрезентации западносибирского города позднесоветского периода в условиях промышленного освоения в период с 1960-х по начало 1990-х гг. Объект исследования — образ микрорайона как центрального элемента репрезентации городского пространства в позднесоветский период. Данные города во второй половине XX в. получили свое активное развитие благодаря освоению Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, что во многом позволило превратить эти города в экспериментальную площадку для смелых решений в области повседневности. Это определило новые подходы к визуальной репрезентации позднесоветского города, где в центре внимания оказывались не только парадные площади, заводы в городе и «передовые социалистические кварталы», как это было в 1930-е гг. Изменения, в частности, прослеживаются с появлением новых элементов визуального образа города. Одним из таких элементов визуального образа позднесоветского города в Западной Сибири стал появившийся в условиях начавшегося в 1950-е гг. перехода к массовому и типовому стандартизированному жилищному строительству микрорайон, который был своеобразным «городом в миниатюре» со своей социальной или социокультурной инфраструктурой, улицами, но в целом еще отражающий старую идею об «особом коллективном общежитии советского общества». Это и предопределило специфику визуального образа позднесоветского города, который являлся промышленным, экономическим, научным и культурным центром.

Ключевые слова: визуальная репрезентация, визуальность, 1960–1990-е гг., микрорайон, Западная Сибирь, фотография, образ города

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Цитирование: Бубнов Д. О. 2023. Микрорайон как элемент визуальной репрезентации города на примере Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 1 (33). С. 114–127. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-114-127>

Поступила 05.10.2022; одобрена 21.02.2023; принята 24.02.2023

Microdistrict as an element of a city's visual representation the Tyumen region

Dmitry O. Bubnov

University of Tyumen, Tyumen, Russia
d.o.bubnov@utmn.ru

Abstract. This article studies the formation of the visual image of the late Soviet city in 1960s – early 1990s in Western Siberia, approaches to representation and some of its elements. The author aims to show the process of formation of the visual representation of the Western Siberian city of the late Soviet period during the industrial development. The object of the study is an image of the microdistrict as a central element of urban space in late Soviet era. These cities actively developed during the development of the West Siberian oil and gas complex, which allowed to turn these cities into an experimental platform for bold everyday life solutions. This defined new approaches to the visual representation of the late-Soviet city, where the focus was not only on squares, factories and “advanced socialist districts”, like the 1930s. These changes can be traced to the emergence of new elements of the visual image of the city. One of such elements of the visual image of the late Soviet West Siberian city was a microdistrict that appeared during the transition to standardized housing construction that began in the 1950s. It was a “city in miniature” with its own social infrastructure, streets, but it was still reflecting the old idea of a “collective community of Soviet society” in general. These factors predetermined the specificity of the visual image of the late Soviet city, which was an industrial, economic, scientific and cultural center.

Keywords: visual representation, visibility, 1960-1990s, microdistrict, Western Siberia, photography, the image of the city

Acknowledgements: the research was supported by a grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-611 “Human in the changing space of the Urals and Siberia.”

Citation: Bubnov, D. O. (2023). Microdistrict as an element of a city's visual representation the Tyumen region. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities, 9(1), 114–127. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-114-127>

Received Oct. 5, 2022; Reviewed Feb. 21, 2023; Accepted Feb. 24, 2023

Введение

Визуальные источники, включая фотографии, являются не менее важным источником по репрезентации города Тюмени, чем нарративные, которые отражают лишь текстовый, литературный образ. Современная Тюмень является городом, являющимся своеобразным «лицом» западносибирского индустриального проекта, начавшего свою историю на рубеже 1950–1960-х гг. Это предопределило специфику изучения проблемы визуальных образов. Данная проблема в настоящее время изучается весьма и весьма широко в силу значительного интереса к ним у исследователей в разных областях гуманитарных наук, в том числе и истории. Изучение визуальной репрезентации города представляет собой множество аспектов, что требует привлечения методов из разных наук, в том числе и исторических, включая те методы, которые можно наблюдать в источниковедении.

Следует отметить, что феномен «образа города» является многослойным и в целом весьма сложным явлением. Под образом города каждый человек, живущий в нем или посещающий его видит подчас совершенно разные вещи. В контексте проблемы визуального образа следует отметить некоторые факторы, отмечаемые разными исследователями. Знаменитый американский урбанист К. Линч [Линч, 1982, с. 15–17] понимал образ города как совокупность таких элементов как восприятие, опыт, окружение, ассоциации и воспоминания. Ключевое значение в конструировании образа города он придавал обобщенной мысленной картине окружающего мира в сознании человека. Важность его теории в контексте рассмотрения визуальных образов города заключается и в том, что под образом города Линч подразумевал не только описания, сделанные устно или письменно, но и описания, сделанные «в графической форме». То есть, визуализация образов города все же имеет решающее значение. Важно понимать, что образ является не только инструментом, но и формой репрезентации города. Многими исследователями репрезентация определяется как способ воспроизведения реальности. И здесь стоит сказать, что изображение — это один из способов придания образу видимости. По мнению немецкого философа В. Беньямина, известного своим многолетним исследованием проблемы фланера на примере произведений Ш. Бодлера, в восприятии образа городской среды в сознании человека, живущего в городе, роль играет перевес «активности зрения над активностью слуха» [Беньямин, 2015, с. 40], и поэтому визуальные материалы, включая фотографию, являются здесь очень важным источником. Новизна исследования состоит в оценке тюменского визуального текста как особого феномена, связанного со спецификой Тюмени и Западной Сибири в целом, что позволяет рассмотреть фотографию как элемент визуальной репрезентации региона.

Хронологически статья охватывает период с 1960-х по начало 1990-х гг., т. к. именно начиная с 1960-х гг. происходит активный процесс урбанизации Западной Сибири на фоне

освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. При этом, визуальный текст Тюмени и Западной Сибири рассматривается как феномен, связанный с промышленным освоением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и урбанизацией региона.

Здесь также необходимо прояснить еще одно важное обстоятельство. С появлением и развитием такого широко распространенного исторического источника, как фотография, меняется многое, в том числе и подходы к образу города. Политики репрезентации с появлением и дальнейшим развитием фотографии меняются существенным образом. Это характерно и для советского города, и фотография здесь является важным источником.

Если рассматривать историографию городской фотографии и визуальной репрезентации в данном контексте, то можно отметить ряд вещей. Исследование городских фотографий стало одной из важных траекторий в плане рассмотрения феномена визуализации и образа города. Однако необходимо здесь отдать отчет в том, что в отечественной науке как правило довольно много исследований было посвящено именно визуальному образу современного города, в то время как советский город затрагивался меньше, а если говорить о примере Западной Сибири, то специализированных исследований по городской фотографии на примере Тюмени, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов практически не найти. Но стоит заметить, что эта проблема является весьма и весьма острой, в особенности в контексте проблемы городских брендов Тюмени и других городов Западной Сибири. Кроме того, городской фотографии советского периода уделяется не так много внимания, как городской фотографии XIX – начала XX в. При этом стоит сказать, что даже здесь рассматривалось историческое и художественное значение городской видовой фотографии. Кроме того, здесь стоит рассматривать и исследования, связанные со сменой урбанистических парадигм. Например, этому одно из своих исследований посвятил В. С. Вахштайн¹ [Вахштайн, 2014]. Кроме того, можно рассмотреть и историю Западной Сибири второй половины XX в., что, несомненно, включает в себя и историю градостроительства. В частности, известны работы И. Н. Стася [Стась, 2016], В. П. Карпова, Н. Ю. Гавриловой, Г. Ю. Колевой. Для анализа истории советского градостроительства и жилищной политики в целом, интересными можно назвать работы В. Л. Глазычева [Глазычев, 2011], М. Г. Мееровича [Меерович, 2017], Е. В. Коньшевой [Коньшева, 2008], К. Д. Бугрова [Бугров, 2018] и Е. А. Калемановой [Калеманова, 2019]. Эти авторы на примерах из разных регионов представили обширные изменения в советской градостроительной политике за огромный период существования советского строя. Данное исследование в свою очередь добавляет еще один аспект — изучение изменений визуального образа города Тюмени и других городов Западной Сибири на примере некоторых элементов, а также добавляет сведения, касающиеся градостроительной политики в Тюмени и области.

Методы

В процессе исследования использованы такие методы как исторический и феноменологический, а также несколько других. Кроме упомянутой теории и методологии образа города К. Линча, стоит упомянуть теорию «visual studies», которая была впервые предложена австралийским теоретиком медиа С. МакКуайром и изложена в книге

---

¹ выполняет функции иностранного агента.

«Медийный город» [МакКуайр, 2014.]. МакКуайр отмечает, что начиная с первых дагерротипов, сделанных во Франции 1830-е гг., городская фотография продолжала развиваться под влиянием процессов, связанных с активным ростом городов. С тех пор фотография продолжала развиваться, выйдя «на улицу».

Отдельно при исследовании фотографий можно сказать и о методе Э. Панофского [Панофский, 1999], который неоднократно применялся в его работах. Он предполагает три уровня: доиконографическое описание, иконографический анализ и иконологическую интерпретацию. При этом Панофский называет уровень интерпретации самым сложным, т. к. он требует оценки изображения на фоне общего социокультурного контекста. Данный метод при анализе позднесоветских фотографий городов становится важным в силу того, что фотография не только является визуальным источником, но и элементом сложного городского визуального текста. Поэтому «прочтение» городской фотографии, включая видовую, как визуального текста, становится задачей, сравнимой с «прочтением» картины.

Результаты исследования и их обсуждение

Эволюция градостроительной политики в СССР: вехи и этапы

Среди визуальных материалов можно выделить как профессиональные, которые делятся на газетные и художественные, так и любительские фотографии, количество которых весьма и весьма огромно и их можно найти в оцифрованном виде в глобальной сети Интернет. Специфика каждого из видов визуальных источников состоит в совершенно разных чертах. Газетные фотографии как правило публиковались в периодической печати и предназначались для репрезентации отдельного региона в средствах массовой информации. Художественные фотографии создаются с целью показать творческое видение фотографа. Особым источником являются любительские фотографии, большой массив которых можно найти в сообществе «Тюмень до нашей эры» [Тюмень до нашей эры] и других площадках. Специфика любительских фотографий заключается в том, что на них как правило могут быть запечатлены быт и повседневность города. Также здесь важны и фотооткрытки. Любительская фотография здесь также оказывается важна, так как она является одним из источников, который подходит под тезисы теории К. Линча.

Собственно, гипотеза исследования состоит в том, чтобы проанализировать ряд элементов визуального образа города. Одним из таких элементов является микрорайон. Идея микрорайона, как отмечал В. Л. Глазычев [Глазычев, 1969], изначально была выдвинута американскими прагмутописцами, а затем взята советскими градостроителями в 1950-е гг. Тюмень эти процессы, связанные с изменениями в сфере градостроительства, не обошли. Поэтому в городе, как и во многих других регионах, создавались «города в миниатюре» со своей социальной инфраструктурой — школы, библиотеки, поликлиники и магазины, что было продиктовано нормативными требованиями [Глазычев, 2008]. И для полного анализа необходимо вкратце рассмотреть историю советского градостроительства начиная с эпохи первых пятилеток. В период советской урбани-

зации и индустриализации, когда формировался тот советский город, который знают многие исследователи, путь к индустриальному «городу-новостройке» был проделан в несколько этапов.

В этом контексте, необходимо проследить эволюцию советского города и урбанизационных процессов. Еще в 1920-е гг., до появления концепции «социалистического города», господствовала идея «города-сада», предложенная еще английским социологом-утопистом Э. Говардом, который предлагал создать такие города, которые бы совместили в себе черты города и деревни, хотя она трактовалась в различных источниках и научных трудах по-разному, что, как отмечал М. Г. Меерович, не имело отношения к настоящей концепции Говарда. Актуальна эта концепция особенно оказалась в годы «новой экономической политики» (НЭП) в СССР. Однако, с началом первых пятилеток, многое изменилось. Теперь, начал происходить переход к социалистическому городу. Чтобы проанализировать данный аспект, сначала необходимо обратиться к трудам М. Г. Мееровича и К. Д. Бутрова, которые изучали проблему «социалистического города» эпохи первых пятилеток [Меерович, 2017; Бутров, 2018]. И поворотным событием стал спор между сторонниками концепций М. А. Охитовича и Л. М. Сабсовича, где победу в конечном счете одержали сторонники последнего. Показательным примером соцгорода начала 1930-х гг. являлся г. Магнитогорск, который строился по проекту немецкого архитектора Э. Мая, прибывшего со своей группой единомышленников в СССР в 1930 г. Отдельно можно сказать, что на формирование советской градостроительной политики также повлияло и привнесение новшеств из Соединенных Штатов Америки. Как отмечал В. Л. Глазычев, американские инженеры привнесли в советское градостроительство схему, которая была создана еще Г. Фордом [Глазычев, 2011, с. 342]. Поэтому, на советской почве стала закрепляться практика создания «фабричных городов».

Со временем градостроительная политика в СССР стала меняться. По мнению М. Г. Мееровича, сначала произошел переход к идее «советского рабочего поселка», а затем — к идее соцгорода, ставшей во многом определяющей в конце 1920-х — начале 1930-х гг., когда жилищно-гражданское строительство становилось «промышленным» [Меерович, 2017]. Тем более, начиная с периода первых пятилеток, ставилась задача: создать такой город, который бы отвечал идее города при промышленном производстве. До определенного времени ставилась идея создать «новый быт», который бы был без всяких намеков на индивидуализм. В частности, создавались дома-коммуны, а также отказывались от кухонь — им на замену должны были прийти фабрики-кухни, которые строились в начале 1930-х годов. Однако со временем произошли очередные изменения. В частности, с середины 1930-х, когда определяющим в советском градостроительстве стал генеральный план Москвы 1935 г., изменилась и градостроительная парадигма. Произошел отказ от «домов-коммун», а от конструктивистского стиля и смелых экспериментов в архитектуре повернули в сторону создания своеобразных «дворцов для рабочих», что выразилось в сталинской архитектуре.

Фактически, промышленность стала во многом тем определяющим фактором, который напрямую влиял на развитие советских городов. Кроме того, свою роль сыграла политика партии и правительства в целом. Поначалу практика создания «фабричных

городов» в советском градостроительстве выглядела следующим образом: в то время как огромное количество населения проживало в бараках, строились кварталы для элиты, или же «дома специалистов». Так называемые «сталинские дома», или «сталинки», фактически делились на дома для элит и дома для рабочих, которые отличались гораздо меньшим комфортом.

С 1950-х гг. также начались изменения в застройке советского города, когда в жилищной политике советского руководства начинается поворот в сторону массового индустриального жилищного строительства, которое должно было обеспечить каждую советскую семью отдельными квартирами. В частности, это индивидуализировало повседневную жизнь и быт советских граждан. Кроме того, индустриальное жилищное строительство решало и задачи, которые были поставлены при развитии таких крупных индустриальных проектов как Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Старые населенные пункты перестраивались, а новые создавались с нуля.

Поэтому, в Советском Союзе создается иной тип застройки, который предполагал появление жилых массивов. Кроме того, заимствуется модернистская концепция свободной планировки. Однако начался ряд изменений — в частности, со временем стала повышаться этажность. Строительство микрорайонов стало во многом определяющим. Не обошли стороной эти процессы Тюмень и Тюменскую область. Следует отметить, что начиная с процесса освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса началась фактическая индустриализация региона, практически не затронутого процессами сталинской индустриализации и долгое время остававшегося сельским. Еще в 1960-е гг. велись споры каким же путем пройдет освоение ЗСНГК, что непременно включало в себя развитие градостроения в регионе. Кроме того, под руководством специалистов из Гипрогора, Башнефтепроекта и ЛенЗНИИЭП начали разрабатываться генеральные планы западносибирских городов, таких как Сургут, Нижневартовск, Урай, Нефтеюганск в рамках системы «базовых городов». Этот подход был воплощен на практике, но, как отмечает И. Н. Стась, не был построен город Южный Балык [Стась, 2016, с. 124].

Если рассматривать Тюмень как областной центр, то в Тюмени до 1969 г. не было единого генерального плана, по которому была бы развернута полноценная градостроительная политика тюменского городского и областного руководства. Генеральный план 1959 г., созданный Ленгипрогором, долгое время не был утвержден, и утверждение он получили лишь через десять лет. Стоит заметить, что активно новые районы стали застраиваться лишь со второй половины 1960-х гг. Начинается проведение реконструкции исторического центра Тюмени, а также строятся новые кварталы и микрорайоны, которые поначалу являлись пятиэтажными. В частности, новые кварталы строились с учетом этажности и размеров старых. По застройке тюменские типовые микрорайоны являлись довольно аскетичными. В этом контексте, микрорайон как элемент визуального образа Тюмени и других западносибирских городов, стал базовым. Это является одним из несомненных достижений советского градостроительства. С конца 1970-х гг. повышается этажность кварталов до девяти этажей. Аналогичные процессы коснулись и городов в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. В частности, самым ярким примером является Сургут, который

стал одним из крупных центров освоения ЗСНГК. Как пишет И. Н. Стась, Гипрогором был разработан проект планировки Сургут-Ханты-Мансийского промышленного района, утвержденный Тюменским облисполкомом в 1967 г. [Стась, 2016, с. 77]. Тремя основными узлами расселения стали Сургут, Нижневартовск и предполагаемый город Южный Балык, проект которого не был реализован. Кроме того, происходил переход от какое-то время существовавших «деревянных городов» в сторону городов, застроенных крупнопанельными и кирпичными домами. Это неизбежно предполагало создание новых генеральных планов. Как отмечает А. И. Прищепа, Сургут начал застраиваться по генеральным планам, спроектированным московским Гипрогором [Прищепа, 2014, с. 66]. Однако ни один из двух планов не удовлетворил сургутян, поэтому новые генеральные планы создавались инженерами ЛенНИИПргудоостроительства и ЛенЗНИИЭПа.

Отдельно следует отметить и то обстоятельство, что некоторое количество фотографий было посвящено и строительству микрорайонов в Тюмени и отдельных жилых домов в них. Поэтому следует отметить, что советские фотографы стремились зафиксировать и некий образ будущего города, который будет в итоге построен. Важно отметить еще ряд вещей. На примере Сургута И. Н. Стасем отмечалась особая роль ведомственных микрорайонов как фактора формирования городской идентичности. Нельзя не заметить, что фотографии городов здесь позднее также сыграли свою роль.

Здесь можно обратиться к теории «visual studies» австралийского теоретика медиа С. МакКуайра, который уделил особое внимание уличной фотографии. В частности, он вводит понятие «меню изображений», которое относится к тем объектам, которые традиционно становятся элементами изображений на городской фотографии. На примере фотографии советского провинциального города, а в особенности областного центра, к элементам такого меню обычно относятся центр города с его площадями, некоторые важные объекты социальной инфраструктуры, вроде школ и главных городских больниц, жилые районы, а также их строительство. Если говорить о конкретно городских микрорайонах, то здесь можно рассмотреть несколько типов изображений — фотографиистроек микрорайонов, фотографии с птичьего полета, фотографии жилых домов, построенных в микрорайонах, а также некоторые фотографии социальной инфраструктуры. В частности, таким источником можно назвать панорамы микрорайонов.

Специфика фотографии как источника: зритель как «сверхчеловек»

В ходе исследования была проведена работа как в архивах, так и глобальной сети Интернет. В этом плане важно сказать, что довольно много визуальных источников находится именно в Сети, поэтому довольно много фотографий хранится на площадках городских сообществ, которые так или иначе посвящены истории городов и их современному развитию. В данном случае интересными оказываются фотографии панорам, фотографии с высоты птичьего полета и другие фотографии с разных ракурсов. Встает вопрос: «В чем же специфика фотографий?». Ответ на этот вопрос можно найти в разных

исследовательских материалах. В этом контексте стоит обратиться к следующей идее. Фотографии имеют совершенно разную специфику — будь то фотография, сделанная панорамно, с высоты птичьего полета или в непосредственной близости от объекта. Зритель предстает здесь своего рода «Богом». Кроме того, видовая фотография позволяет установить и увидеть то, что зритель не может своим обычным невооруженным взглядом. Обычно зритель ходит по плохим дорогам, грязи, песку, цементу, но фотография позволяет увидеть город совсем другим — вместо наблюдаемых им в обычной жизни плохих дорог, грязи и пейзажа стройки, человек видит успехи социалистического строительства и процесса превращения глухой тайги в советский «город-сад».

Например, если обратиться к архивным источникам, найденным в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), то можно обнаружить следующие примеры. Одним из этих примеров являются фотографии сургутских микрорайонов.

В частности, таким примером можно назвать фотографии, хранящиеся в фотоальбоме, посвященном работе объединения «Сибжилстрой». Например, можно увидеть панораму построенного этим объединением микрорайона, датируемую 1977 г. [ГБУТО ГАСПИТО, ФФ, оп. 5, д. 54 (5)]. На данной панораме видны как уже построенные дома, так и те дома, которые еще строятся. Но они находятся в дальней перспективе. Данная панорама примечательна тем, что дома на ней построены по проекту ЛенЗНИИЭП, которые являются наиболее распространенными в Сургуте и ряде других городов Ханты-Мансийского автономного округа. Кроме того, можно обнаружить пример фотографии строительства домов в микрорайоне. На одной из таких фотографий, датированной 1977 г., изображена стройка панельных домов в новом по тем временам микрорайоне города Сургута. Здесь можно выдвинуть следующую гипотезу. Данные фотографии делались не только с чисто технической точки зрения. В 1970-е гг. города Тюменской области активно застраивались, и нужно было показать, каким же является новый город и подчеркнуть его визуальный образ. На примере Сургута можно увидеть, что данные фотографии делались с целью не только показать результаты деятельности «Сибжилстроя», но и показать образ нового Сургута, который пришел на смену глухому городку в северной глуши.

Кроме того, можно рассмотреть и фотографии из Тюмени, которые можно найти как в архивах, так и в оцифрованном виде. Например, весьма широко распространены фотографии строительства будущих микрорайонов, датируемые концом 1970-х — серединой 1980-х гг. Одной из задач здесь является и поиск общего между фотографиями городов и местом микрорайонов в визуальной репрезентации Тюмени и других городов Западной Сибири. Например, это могут быть фотографии, сделанные при строительстве этих микрорайонов. В частности, одна из фотографий, размещенных в сообществе «Тюмень до нашей эры» датируется 1980 г., когда строился 3-й микрорайон города Тюмени и начинала застраиваться будущая улица Широкая. Видно, что часть жилых домов в данном районе уже построена. Таким же примером является фотография строительства 1-го микрорайона, датируемая февралем 1982 г.

Особое место занимают и фотографии с высоты птичьего полета. Например, на одной из таких фотографий был изображен строящийся 1-й микрорайон. Уже был построен

ряд домов, включая известные в народной топонимике как «китайская стена» и «пентагон». Вообще, фотографий из района современных улицы Широкая и Восточного административного округа, которые датируются 1980-ми гг. можно найти довольно много.

Аналогичные фотографии можно рассматривать на примере других западносибирских городов, которые замышлялись как крупные центры освоения нефти и газа. Примером тому является панорама строительства жилых домов в городе Надым, датируемая 1975 г. [ГБУТО ГАТО, Ф. Р., 1861, оп. 1, д. 1272]. На данной панораме видны дома достаточной этажности, а также строительство новых домов. Некоторые дома на этой панораме пятиэтажные. Однако панорама строительства жилых домов в Надыме также несет репрезентационный смысл, который заключается в том, что на севере строится город, который будет базовым для промышленного освоения Ямала наряду с такими как Новый Уренгой или Ноябрьск, где также можно найти примеры фотографий. В частности, таким примером может послужить общий вид жилых кварталов Ноябрьска, снятый в апреле 1991 г. на излете существования СССР. Еще одна фотография, сделанная в Надыме, датируется 1982 г., и на ней изображены пятиэтажные дома и автобус [ГБУТО ГАТО, Ф. Ф. 1. оп. 1, д. 2137]. Это можно сравнить с изображением трамвая, которые были распространены на Урале в 1930-е гг. в рамках трамвайной сети, создаваемой специально для рабочих районов, что, как отмечал К. Д. Бугров в своей монографии «Соцгорода Большого Урала», являлось для них жизненной необходимостью [Бугров, 2018, с. 145]. Но если сравнивать Урал 1930-х гг. и Западную Сибирь второй половины XX в., то можно увидеть, что во втором случае автобус не стал чем-то новым для советского города, а фактически продолжал тенденцию к изображению общественного транспорта как неперемного элемента советского города. Также, на одной из фотографий, сделанных в Сургуте в 1977 г., можно увидеть автомобиль [ГБУТО ГАТО, Ф. Ф. 1, оп. 1, д. 866]. Но, опять же, по сравнению с Уралом 1930-х гг., личный автомобиль для жителя советского микрорайона второй половины XX в. не был чем-то новым. Однако автомобилизация стала уже одним из показателей урбанизации севера.

Отдельно стоит отметить и тенденцию к повышению этажности в микрорайонах. В частности, это можно увидеть и на примере фотографий жилых кварталов Нового Уренгоя, микрорайонов Тюмени и других городов. В частности, на одной из фотографий, сделанных в Новом Уренгое в 1982 г., можно увидеть девятиэтажные дома [ГБУТО ГАТО, Ф. Ф. 1, оп. 1, д. 2268], что говорит об этой тенденции, характерной не только для Западной Сибири, но и всего Советского Союза. В визуальной репрезентации советского города здесь появляется элемент, связанный с тем, что он растет не только вширь, но и ввысь.

Отдельно можно сказать и о своеобразном «меню изображений». Если переносить тезис об этом на почву советских микрорайонов и городов в целом, то можно сказать следующее. Как правило, в него входили изображения строительства микрорайонов, благоустройства, социальной и культурно-досуговой инфраструктуры, вроде школ, поликлиник, магазинов, домов культуры, библиотек и кинотеатров, а также изображений, которые включают в себя общественный транспорт как элемент репрезентации. В частности, здесь можно найти и некоторые контрасты. В то время как строились

новые жилые микрорайоны, существовало огромное количество пустырей. Это можно рассмотреть и на картах Тюмени 1981, 1986 и 1991 гг. По сравнению с современным состоянием восточных районов Тюмени всё еще сохранялись пустующие земли, что опять же касается южных и юго-восточных районов. В этом плане стоит сказать, что фотографии строящихся микрорайонов 1980-х гг. являются одним из примеров того, какой же в дальнейшем должна быть будущая советская Тюмень. Фотографии новостроек в новых на тот момент советских микрорайонах, включая виды с птичьего полета, стали показателем того, что эти микрорайоны, будучи новыми, имели большое будущее. И контраст между пока еще пустующими территориями и новыми домами здесь очевиден. Также можно и увидеть контраст между уже построенными домами и домами строящимися, а также между новыми домами и старой деревянной застройкой, а также временками, которые были предназначены для рабочих.

По сути, здесь видно, что фактически создавался новый город и новый крупный промышленный, экономический и научный центр, где ставилась задача обеспечить многих, как местных жителей, так и приезжих жильем. И поэтому, микрорайоны были одним из знаковых решений жилищной проблемы. Микрорайон, будучи «молекулой» советского города, превратился в элемент репрезентации, совмещавший в себе идею о «будущем советском городе», которая прошла путь от «города-сада» и «соцгорода» к тому, что можно видеть в позднем СССР.

Однако, важно понимать, что фактически советский микрорайон воспринял довольно много западных модернистских черт. Отказ от классического квартала в пользу микрорайона, с одной стороны, был одним из тех решений, которые были приняты с благими намерениями — обеспечить народ жильем. С другой стороны, наметились и некоторые проблемы. Нельзя не согласиться с В. А. Глазычевым в том, что идея развития местной социальной жизни вокруг школы была отвергнута как противоречащая производственно-коллективной системе, но социальную инфраструктуру все же развивали — требования по постройке школ, детских садов, библиотек, магазинов и поликлиник здесь соблюдались с характерной тщательностью. Однако можно найти немало советских фотографий объектов социальной инфраструктуры в советских микрорайонах. В качестве примеров можно назвать фотографии школ и поликлиник, что говорит и о важности социальной инфраструктуры для этого типа застройки.

Здесь опять же стоит сказать, что фотографии строительства микрорайонов занимают здесь не последнее место, и поэтому важно отметить такую вещь, как образ «города будущего», который в советской идеологии опять же переключается с западными концепциями «модернистского» и «левого» урбанизма, которые, в частности, в своей статье рассматривал В. С. Вахштайн, отмечая победу «левого» урбанизма в 1960-е гг. [Вахштайн, 2014, с. 14]. В этом плане нельзя сказать, что каким-то образом советский урбанизм был чисто «модернистским» или чисто «левым». Если рассматривать советский город, и в особенности микрорайон, то можно обнаружить черты обеих концепций. Например, от «высокой», или модернистской концепции в советском городе можно обнаружить ту самую идею «города как машины развития». В Советском Союзе такая идея господствовала еще начиная с развития концепции «соцгорода» и продолжилась

фактически до 1991 г. С другой стороны, активно развивалась и социальная инфраструктура, а также благоустройство, что можно увидеть на примере активного строительства объектов социальной инфраструктуры и развития общественного транспорта.

Заключение

Если говорить о том, что из себя представляет советский микрорайон как элемент визуального образа советского города, следует отметить, что в связи с изменениями в градостроительной политике советского руководства в целом, возникла ситуация, когда с одной стороны, советский «типовой город» превратился в однообразную массу, но с другой стороны, в нем закладывались и некоторые идеи того, каким же будет «город будущего». Хотя западносибирский город застраивался стандартизированными типовыми панельными, кирпичными и блочными домами, развивается и социальная инфраструктура. В частности, изменилась парадигма «города будущего», которая впитала на советской почве как «модернистские», так и «левые» элементы. Изменения эти связаны с переходом от одной концепции к другой. Так, на смену «городу-саду» в годы первых пятилеток пришел «соцгород», а затем советская урбанистическая концепция менялась под влиянием времени. Огромные массивы «хрущевок» и «брежневок» вписались в концепцию микрорайона, созданную советскими градостроителем под влиянием идей американских планировщиков.

Микрорайон также является не только элементом советского прошлого, но и настоящего времени постсоветской России и стран бывшего Советского Союза. Труженики получили свое, отдельное жилье, которое с одной стороны дало окончательную свободу от разного рода экспериментов с бытом советских граждан и индивидуализировало его, но с другой стороны, создало и ряд проблем, связанных с атомизацией городских сообществ.

В целом, стоит отметить следующие обстоятельства. На примере Тюмени фотография действительно является важным визуальным источником по истории советского, в особенности позднесоветского города, что требует развития имеющихся подходов к изучению фотографии как источника и внедрения новых. Микрорайон как базовый элемент визуального образа советского города сопровождал его долгое время и продолжает сопровождать уже российский город, что связано с сохранением данной концепции, а также разницей между подходами отечественного и зарубежного градостроительства.

Список источников

- Беньямин В. 2015. Бодлер / пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс. 224 с.
- Бугров К. Д. 2018. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 472 с.
- Вахштайн В. С. 2014. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. №2. С. 9–38.
- ГБУТО ГАСПИТО. Ф. Ф. Оп. 5. Д. 54(5).
- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 866.
- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 2137.
- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 2268.

- ГБУТО ГАТО. Ф. Ф.1. Оп. 1. Д. 5579.
- ГБУТО ГАТО. Ф. Р. 1861. Оп. 1. Д. 1272.
- Глазычев В. Л. 1969. Размышление о микрорайоне // Сайт памяти В. Л. Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/publications/articles/1971_ramz_o_mikrorayone.htm (дата обращения: 22.04.2022).
- Глазычев В. Л. 2008. Урбанистика. М.: Европа. Часть 1. 220 с.
- Глазычев В. Л. 2011. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего». 400 с.
- Калеменева Е. А. 2019. «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950—1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: ВШЭ. 195 с.
- Коньшева Е. В. 2008. Генеральные планы советского Челябинска (1936, 1947, 1967): Диалог сквозь десятилетия // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII–XXI вв. Челябинск: Издательство ЧГПУ. С. 223–253.
- Линч К. 1982. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат. 328 с.
- МакКуайр С. 2014. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство / пер. с англ. М. Коробочкин. М.: Strelka Press. 388 с.
- Меерович М. Г. 2017. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение. 346 с.
- Панофский Э. 1999. Смысл и толкование изобразительного искусства: статьи об истории искусства / Э. Панофский; пер. с англ. В. В. Симонова. СПб: Академический проект, 393 с.
- Прищепа А. И. 2014. Еще раз о первом генеральном плане застройки Сургута // Вестник Нижневарттовского государственного университета. №2. С. 65–68.
- Прищепа А. И. Формирование дислокационного и архитектурного образа Сургута в начале 1970-х - начале 2000-х гг. // Манускрипт. 2017. №9 (83). С. 148–150.
- Стась И. Н. 2016. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е - начало 1990-х гг.). Сургут: Дефис. 258 с.
- Тюмень до нашей эры // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tyumengrad> (дата обращения: 21.04.2022).
- Формирование городской среды Тюмени в сер. 1950–сер. 1960-х гг. URL: <https://tyumen.livejournal.com/954647.html> (дата обращения: 21.04.2022).

References

- Benjamin, W. (2015). *Baudelaire* (S. Romashko, Trans.). Ad Marginem Press. [In Russian]
- Bugrov, K. D. (2018). *Socialist Cities of Greater Urals*. Ural Federal University Printing House. [In Russian]
- Vakhshayn, V. S. (2014). Rebuilding the city: between language and space. *Sociology of Power*, (2), 9–38. [In Russian]
- The State Archive of the Social and Political History of The Tyumen Region*. (n.d.). FF, op. 5, d. 54(5). [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region*. (n.d.). F. F.1. Op. 1. D. 866. [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region*. (n.d.). F. F.1, op. 1, d. 2137. [In Russian]

- The State Archive of the Tyumen Region.* (n.d.). F. F.1, op. 1, d. 2268. [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region.* (n.d.). F. F.1, op. 1, d. 5579. [In Russian]
- The State Archive of the Tyumen Region.* (n.d.). F.R. 1861, op. 1, d. 1272. [In Russian]
- Glazychev, V. L. (1969). *Thinking about Microdistrict*. Retrieved April 22, 2022, from http://www.glazychev.ru/publications/articles/1971_ramz_o_mikrorayone.htm [In Russian]
- Glazychev, V. L. (2008). *Urbanism: Part 1*. Moscow: Evropa. 220 p. [In Russian]
- Glazychev, V. L. (2011). *City Without Borders*. Territoriya budushhego. [In Russian]
- Kalemeneva, E. A. (2019). "Turn to a Human" in *Projects and Practices of Urbanization of the Soviet Far North in the 1950–1960s*. [dissertation, Higher School of Economics]. [In Russian]
- Konysheva, E. V. (2008). General plans of the Soviet Chelyabinsk (1936, 1947, 1967): Dialogue through decades. In *City in the Mirror of the General Plan: Panorama of Urban Planning Projects in the Russian Regions in the 18th–21st c.* (pp. 223–253). Chelyabinsk State Pedagogical University Publishing House. [In Russian]
- Lynch, K. (1982). *The Image of the City*. Stroizdat. [In Russian]
- McQuire, S. (2014). *The Medis City. Media, Architecture and Urban Space*. Strelka Press. [In Russian]
- Meerovich, M. G. (2017). *Urban Development Policy in the USSR in 1917–1929: From a Garden City to a Departmental Workers' Settlement*. New Literary Observer. [In Russian]
- Panofsky, E. (1999). *Meaning of the Visual Arts. Papers in and on Art History*. Akademicheskii proekt. [In Russian]
- Prischepa, A. I. (2014). Once again about the first general plan for the development of Surgut. *Bulletin of Nizhneartovsk State University*, (2), 65–68. [In Russian]
- Prischepa, A. I. (2017). Formation of the Dislocation and Architectural image of Surgut in the early 1970s – early 2000s. *Manuskript*, (9), 148–150. [In Russian]
- Stas, I. N. (2016). *From Settlements to Cities and back: the History of Urban Planning Policy in the Khanty-Mansiysk Area (1960s – early 1990s)*. Defis. [In Russian]
- Tyumen BCE. (n.d.). Retrieved April 21, 2022, from <https://vk.com/tyumengrad> [In Russian]
- Formation of the urban environment of Tyumen in the mid-1950s–mid-1960s.* (n.d.). Retrieved April 21, 2022, from <https://tyumen.livejournal.com/954647.html> [In Russian]

Информация об авторе

Дмитрий Олегович Бубнов, аспирант, Кафедра истории и мировой политики; лаборант-исследователь, Лаборатория междисциплинарных исследований пространства, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
d.o.bubnov@utmn.ru

Information about the author

Dmitry O. Bubnov, Postgraduate Student, Department of History and World Politics; research laboratory assistant, Laboratory for Interdisciplinary Research of Space, University of Tyumen
d.o.bubnov@utmn.ru